

А.А. Федотов

Главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу», доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала ЧОУ ВО «Институт управления»

Американский империализм после Второй мировой войны

В своей книге «Стратегия глобальной экспансии. Внешнеполитические доктрины США» известный советский историк и политолог, специалист по истории США А.И. Уткин риторически задавал вопрос: «Кто когда-то либо читал труды крупных американских политиков послевоенного времени, в которых США, их история, судьба и предназначение представлялись бы как ординарный исторический процесс?» [6; с. 262]. И тут же на него отвечал: «Восприятие правящей элитой американского опыта как уникального неизбежно влекло за собой оправдание насильственного внедрения этого опыта в заморские страны. Стереотип превосходства – основополагающий принцип стратегии американской экспансии. Такое представление об эталонном для всего мира применении американского опыта привело к кровавой политической практике. <...> Те, кто планирует американский внешнеполитический курс, воспевали "моральный пример" североамериканской республики, поучительность эксперимента свободы на североамериканском континенте. Но только после 1945 года американизм стал синонимом глобальной экспансии, как насильственного навязывания американских ценностей и представлений» [6; с. 262].

Еще больше 30 лет назад ученый отмечал, что «...преимущество в проведении внешней политики США вытекает из общности главных стратегических задач, стоящих перед правительством страны: сохранить на возможно больший исторический период уникальное положение, в котором США оказались после окончания второй мировой войны, замедлить мировое развитие, подтачивающее экономические, военные, политические позиции Америки, в процессе которого происходит переход страны на более соответствующее ее возможностям место в международной структуре, использовать возможности приемов дипломатии для удержания передовых позиций, для сохранения глобальной зоны влияния» [6; с. 261].

А.И. Уткин в своей монографии, посвященной дипломатии Франклина Рузвельта, так сформулировал «главные линии» этой дипломатии: «После войны четыре великие державы – США, СССР, Англия и Китай будут контролировать мировое развитие. При этом Англия становится все более зависимой от США. Такие крупнейшие британские доминионы, как Канада, Австралия и Новая Зеландия уже прочно находились в орбите США. Предлагая Чан Кайши двусторонний союз, Рузвельт "перетягивал" на свою сторону еще одного из четырех "мировых полицейских". Все это с учетом исключительного экономического броска Америки и доминирующего положения в Западном полушарии делали ее "первой среди равных", гегемоном мирового сообщества» [4; с. 376]. «Американское руководство считало, что в будущих отношениях Запада с Россией большую роль будет играть Китай. Рузвельт писал: "В любом серьезном конфликте с Россией Китай, без сомнения будет на нашей стороне", в частности в случае тройственной опеки некоей территории тремя странами – СССР, Китаем и США – два последних участника триумвирата смогут договориться» [5; с. 354]. «Чан Кайши получил приглашение на встречу с Рузвельтом в Каире – на последней остановке президента перед Тегераном. <...> Рузвельт именно здесь, в Каире, хотел зарезервировать для Китая место своего главного союзника в Азии, добиться понимания с

руководителями самой многочисленной нации мира, определить американо-китайские связи на годы вперед» [4; с. 374]. Между тем, «...ситуация в Китае была сложной. Коммунисты стойко держали свой оплот на севере, а собственная армия гоминдана теряла дисциплину» [4; с. 375].

Когда «Соединенные Штаты стали ядерной державой, американские руководители получили возможность упиваться иллюзией, что ход исторического развития в грядущие годы будет зависеть исключительно от них. Через четыре года, в 1949 году атомное оружие создаст Советский Союз, в 1953 – Англия, в 1960 – Франция, в 1964 – КНР. Монополия окажется недолговечной, но в июле 1945 года настроение американских руководителей было эйфорическим. О причинах этого знали немногие. Но многие ощутили беспрецедентную жесткость американской стороны, ее безапелляционность, стремление к диктату, потерю интереса к выработке компромиссных решений» [6; с. 26-27].

«К концу 1944 года Рузвельт окончательно решил не делиться информацией о ядерном оружии с Советским Союзом, хотя он уже знал, что Сталин осведомлен о "манхеттенском проекте". К окончанию второй мировой войны флот Соединенных Штатов (как хвалился, выступая по национальному радио, адмирал Леги) был более могущественным, чем два любых других военно-морских флота вместе взятых. Америка владела "наилучшим в мире образом экипированными наземными силами", в ее руках находился "секрет самого устрашающего в мире оружия". В дипломатической игре Америка владела всеми лучшими картами» [4; с. 535].

Свое доминирующее положение в мире Соединенные Штаты обеспечивали, исходя из принципа, что цель оправдывает средства ее достижения. «Получив телеграмму о бомбардировке Хиросимы, Г. Трумэн воскликнул: "Это величайшее событие в истории". Никогда он не был "более счастлив" – вот его подлинные слова. Глава американского правительства в эти минуты был уверен, что мировая история отныне пойдет по нужному для Вашингтона руслу, что часы начали отбивать время "американского века". Следует отметить, что даже люди из ближайшего окружения президента не разделяли его восторгов. Главный военный советник Г. Трумэна – адмирал У. Леги писал в дневнике: "Применив это оружие первыми, мы поступили по этическим стандартам дикарей"» [6; с. 31].

Здесь необходимо еще отметить, что во время президентства Г. Трумэна «на политическую арену выдвигается плеяда профессиональных военных. Никогда – ни до, ни после – в США не было такой тесно сплоченной когорты высших военных и военно-морских чиновников, решивших всерьез взять опеку над внешней политикой страны. Это были "пятизвездные" генералы (высшее звание в американских вооруженных силах, введенное во время второй мировой войны) Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, О. Брэдли, Д. Макартур, Г. Арнольд, адмиралы флота У. Леги, Э. Кинг, Ч. Нимиц. Один из них впоследствии стал президентом США, другой – госсекретарем, а Д. Макартур фактически был губернатором Японии. Это были люди с необычайными амбициями, немалыми способностями, с уверенностью, что пришел "век Америки". Слава военных героев помогла им придавать своим действиям "благородный" вид» [6; с. 15]. Интересно мнение заместителя государственного секретаря США в администрации Гарри Трумэна Дина Ачесона о двух мировых войнах первой половины XX столетия. «С его точки зрения, конфликт в Европе между странами "оси" и антигитлеровской коалицией получил название второй мировой войны незаслуженно. Война 1939-1945 годов была лишь второй фазой европейской "гражданской войны" 1914-1945 годов, последовавшей за перемирием 1918-1939 годов» [6; с. 53].

В то же время, по мнению А.И. Уткина, «...в 1943-1945 гг. впервые в истории России сложилась ситуация, когда крупнейшие ее соседи – Германия и Франция – потеряли свое силовое значение и в то же время появилась возможность увеличить пространство противостоящей Западу евразийской массы за счет Восточной Европы, а также возник союз с крупнейшей жертвой Запада – Китаем. <...> Впервые в истории Россия могла реально угрожать Западу в случае глобального взаимоожесточения» [5; с. 364].

«6 и 8 августа 1945 года американцы совершили ядерную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. 14 августа Япония капитулировала. Император Хирохито лично зачитал приказ о капитуляции своих войск. В дворцовой библиотеке, где император проводил значительную часть времени, бюст Наполеона был спешно заменен бюстом Авраама Линкольна. К осени 1945 года потери Японии в боевых действиях превысили два с половиной миллиона, но она еще имела трехмиллионную армию на заграничных территориях и двухмиллионную на Японских островах. В ее распоряжении были и 7 тысяч боеспособных самолетов. Разумеется, необходим был удар по большинству войск, размещенных за границей. Это и сделала Советская Армия» [7; с. 35].

«Период американской оккупации Японии продолжался почти семь лет (сентябрь 1945 – апрель 1952 г.). Все это время верховная власть в стране была сосредоточена в руках номинального Верховного главнокомандующего союзных держав, а фактически подчиняющегося только Вашингтону американского генерала Д. Макартура. <...> Все прерогативы высшей власти, все бразды правления взяла в свои руки американская администрация. <...> Президент Трумэн назначил Макартура фактически проконсулом Японии, не совещаясь ни с кем из своего окружения, не говоря уже о союзниках: "Вы будете осуществлять свою миссию так, как Вам это видится необходимым". Это был своего рода карт-бланш. Даже госдепартамент не имел права проверять и утверждать заявления генерала. <...> Требования СССР, нередко поддерживаемые также англичанами и китайцами, о трансформации милитаристской Японии в миролюбивое государство, выплате репараций, наталкивались на категорическую позицию американцев. Сейчас известно, что Макартур отдал тогда приказ "заговорить Союзный комитет до смерти". Американцы демонстративно игнорировали мнение своих союзников» [7; с. 38-40].

«Образование в октябре 1949 года Китайской Народной Республики – крупнейшее событие, изменившее обстановку в Азии. Американский империализм воспринял создание КНР как безусловную угрозу своим азиатским и, более того, мировым позициям. Теперь, глядя на Японию, Вашингтон видел в ней силу, противостоящую не только СССР, но и Китаю» [7; с. 51].

«Единому Западу противостояла монолитная, исполненная решимости и владеющая стратегической глубиной <...> восточноевропейская коалиция, примыкавшая к оси Москва – Пекин. К союза Москвы и Пекина были прочные основания: во-первых, угрозы со стороны Запада (холодная война, такие ее проявления, как "горячая" война в Корее и западное блокостроительство); во-вторых, общие усилия по индустриализации (помощь СССР Китаю в создании базовых отраслей промышленности). На период 1949-1958 гг. приходится самая жесткая поляризация сил в мировой истории, когда оба антагониста – Запад и Восток – были готовы почти на любые жертвы. Трансконтинентальный союз на основе единой антизападной идеологии, жесткой государственной дисциплины и наличия ядерного оружия породил на Западе апокалиптическое видение будущего» [5; с. 372].

«Союз Москвы и Пекина реально противостоявший всемогуществу объединенного американцами Запада, дал исторический шанс африканским и азиатским колониям. В 1950 г. политический суверенитет приобретает Индия, а через несколько лет практически полностью меняется политическая карта Африки. Социалистический мир помог освободиться от колониальной зависимости Африке, Латинской Америке и Азии – силам, противостоящим западному влиянию. На этом историческом этапе прямую военную помощь от СССР в борьбе против Запада получили Вьетнам, Египет, Сирия, Индонезия, Алжир» [5; с. 376]. «Впоследствии на Западе осознают, что научно-техническое лидерство обеспечивает влияние в тех же регионах более надежно, чем наличие в колониальных странах флага метрополий и генерал-губернаторского дворца. Но в 1946-1974 гг. Запад тяжело пережил факт освобождения Африки и Азии, а незападный мир впервые поверил в собственное будущее. Возникновение у незападного мира веры в возможность достойной жизни с сохранением собственной национальной традиции переломило тенденцию морально-политической деградации незападных стран. Однако стало ясно, что

полнокровное цивилизационное, прежде всего экономическое, независимое развитие реализуется сложнее, чем политическая независимость» [5; с. 377].

Здесь можно еще отметить тот фактор, что «...внешняя политика империалистических государств покоится на силовой основе. Экономические интересы и соображения престижа влекут главные страны современного империализма к поискам рычагов влияния, средств воздействия на партнеров и сателлитов, на политическое окружение. Одним из наиболее важных рычагов является торговля оружием. <...> В условиях подъема национального самосознания повсюду в мире империализм наших дней ищет новые пути воздействия на молодые государства, чья судьба больше не может решаться в столицах колониальных метрополий. И здесь торговля оружием приходит как одно из средств удержать в колониальной узде освободившиеся народы» [8; с. 3-4].

Американский профессор-политолог Майкл Паренти отмечал, что «мы неоднократно слышим о том, что лидеры США выступают против коммунистических стран, потому что в этих странах отсутствует политическая демократия. Но следующие одна за другой администрации Вашингтона поддерживали самые репрессивные режимы в мире, которые регулярно проводили массовые аресты, убийства, пытки и запугивали население. Кроме того, Вашингтон оказывал поддержку некоторым самым отвратительным правым контрреволюционным повстанческим группировкам головорезов: «УНИТА» Савимби в Анголе, «РЕНАМО» в Мозамбике, моджахедам в Афганистане, а в 1980-х годах – даже фанатичным приверженцам Пол Пота, которые вели войну против социалистической Камбоджи» [2; с. 105-106].

Агрессивная политика США в отношении тех стран, интересы которых пересекаются с американскими, не вызывает сомнений. «В ходе вьетнамской войны Соединенные Штаты сбросили бомб по мощности в три раза больше, чем в течение всей Второй мировой войны. <...> Всегда, начиная с убийств коренных американцев и победного шествия генерала Шермана к морю в 1864-1865 годах и заканчивая атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, американское общество выражало широкую и неослабевающую поддержку решительным военным действиям, даже если они приводили к разрушениям и велись против гражданских жителей» [1; с. 108-110].

О целях региональных империалистических военных кампаний США хорошо написал Д.Б. Фостер в своей книге «Откровенный империализм – «бремя белого человека»: «Как только страна будет полностью разоружена и «переделана» под нужды стран в центре капиталистического мира, будет завершено «строительство нации» и, как подразумевается, закончится оккупация. Но в районах, где имеются важные ресурсы вроде нефти (или считается, что они занимают стратегические позиции на пути подходов к такому сырью), сдвиг от формального к неформальному империализму после вторжения может происходить медленно – или произойдет только в очень ограниченных сферах. <...> В настоящее время империализм США ведет себя особенно вызывающе, он связал себя именно с такой войной и говорит о серии войн в будущем для достижения, в сущности, таких же целей» [9; с. 175-176].

«Мировой антизападной революции не произошло – обретение политической независимости не сопровождалось отказом от сформулированных Западом конституций, разрывом связей с бывшей метрополией, где в университетах и военных академиях формировалась местная элита. <...> Запад же смог справиться с обвальная суверенизацией третьего мира. Западные политические деятели, переживая агонию новой исторической самооценки, осознали, что репрессии могут лишь закрепить антизападный синдром политических элит в новорожденных государствах. <...> После процесса деколонизации и образования новых государств главными рычагами стали воздействие на элиты, селективная экономическая помощь и, самое главное, допуск развивающихся стран на богатейшие рынки Запада. У России (как и у Китая) подобных рычагов не было» [5; с. 378]. «Отказ России поделиться с Китаем атомными секретами привел к отчуждению двух коммунистических гигантов вплоть до военного конфликта на реке Уссури в 1969 году. <...>

Запад разыграл "китайскую карту", окончательно разделив силы своих коммунистических противников и даже противопоставив их друг другу» [5; с. 379].

Стремление США к ничем не ограниченному доминированию в мире критиковал даже такой прозападно настроенный политик, как М.С. Горбачев. На встрече с президентом США Рональдом Рейганом в Женеве в октябре 1985 года генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев говорил: «Когда на международной арене выступают около двухсот государств, <...> то каждое из них стремится реализовать свои интересы. Но в какой степени они реализуются? Это зависит от учета интересов других на основе сотрудничества. А считать так, что весь мир – чья-то вотчина, – мы такой подход отвергаем» [6; с. 266].

В своем написанном около 30 лет назад труде, посвященном американской футурологии, А.И. Уткин, привел целый ряд положений, особенно интересных сейчас, когда некоторые из предсказаний американских футурологов последней четверти XX столетия. «Пессимистическое видение мира стало характерным не только для отдельных футурологов (которых еще в начале 70-х многие обвиняли в погоне за сенсационностью, в сознательном сгущении красок). <...> В 80-е годы опасения в отношении будущего проникли и в государственные ведомства США. Наиболее весомым, пожалуй, свидетельством этого явился получивший широкую огласку и большой резонанс «Доклад о состоянии мира в 2000 г.». Примечательно само желание федеральной администрации огласить свой вариант вероятного будущего. И следует особо отметить, что этот вариант оказался на уровне наиболее жестких, предупреждающих о явлениях, тяжким грузом лежащих на всю систему международных отношений. <...> Так американская футурология завершила движение от убежденности в могуществе техники и жизненных сил капиталистической системы до сомнений в выживаемости человечества и способности мирового сообщества решить задачи своего земного бытия» [3; с. 152-154].

«Исследователи Стенфордского исследовательского университета П. Хоукен, Дж. Олигви и П. Шварц полагают, что основные потребители энергии так и не приспособятся к экономной практике их потребления, ресурсы Земли начнут оскудевать, что вызовет международное ожесточение в крупных масштабах. "Мировой войны типа двух первых, возможно, и не будет, но мир войдет в полосу растущего внутреннего насилия, распространения ядерного оружия, все более частого обращения к насилию и терроризму, как способу разрешения противоречий"» [3; с. 154]. «Важнейшее обстоятельство, подрывающее веру в будущее рубежа XX-XXI вв. – международный терроризм, как поддерживаемый отдельными государственными органами, так и представляющий собой акции отдельных неправительственных движений. Терроризм будет тесно связан с общей милитаризацией международных отношений» [3; с. 158]. «В мире будущего, по мнению Зб. Бжежинского, главной отличительной чертой станет господство насилия. <...> Еще одно обстоятельство, увеличивающее с точки зрения американских футурологов опасность конца XX в. – неверное трактование системы взаимоотношений между патронами и клиентами в военно-политических союзах и за их пределами. Малая страна может иметь преувеличенное представление о готовности державы-опекуна поддерживать ее в опасных, аварийно-стихийных мероприятиях. Неверная калькуляция может вызвать разрушительные последствия, осложняющие упорядоченное разрешение спорных вопросов» [3; с. 158-159].

Мы видим, как американский империализм вступает в фазу системного кризиса, в том числе и кризиса развития культурного империализма. Предлагаемая им культурная модель становится все менее привлекательна для масс даже в самих США. Мир вновь стал многополярным. Как еще в 2000 году писал А.И. Уткин, «...в историческом развитии таких стран, как Россия (у которых сложилась ярко выраженная особенность: меньшая часть их населения эмоционально и часто культурно отождествляет себя с Западом, в то время как основная масса населения принадлежит иному цивилизационному полю), возможен один из двух вариантов: либо западные ценности войдут в "генетический код" большинства населения, либо правящая элита сменит свой иноцивилизационный комплекс. <...> Все это

ставит под удар такие грандиозные схемы недавнего прошлого, как, в частности, строительство "единого европейского дома" – Большой Европы от Атлантики до Урала (или шире – от Калифорнии до Дальнего Востока), не говоря уже о "планетарной деревне", единой мировой цивилизации и т.п.» [5; с. 547].

В 2000 году А.И. Уткин писал: «Прав был премьер-министр императорской России В.Н. Коковцев, который писал, что "мы, русские, лишены цемента лицемерия". Ибо лицемерие, которое никто не перевозносит, является необходимым социальным атрибутом: сдерживающие основания общественной жизни не входят в сознание граждан естественным путем и требуют значительной доли видимости, равно как самодисциплины и собранности – черты, далекие от русских национальных. Эти черты значительно более свойственны Западу. Заимствуя его социальную технологию, Россия поневоле должна имитировать и эти черты, хотя русскому человеку свойственно совсем иное»[5; с. 557]. Можно здесь отметить, что доля видимости и в советской действительности была достаточно значительной, а цемент лицемерия – это не тот материал, на отсутствие которого можно было жаловаться. Однако данная мысль приобретает особую актуальность в настоящее время, когда стремительность динамики развития исторического процесса уже не оставляет времени на видимость и имитацию. В многополярном мире для России все большее значение приобретает наличие национальной (в широком смысле этого слова) идеи, идеологии – всего того, чего ее пытались лишить в 1990-е годы победители холодной войны, и чего им ее полностью лишить не удалось.

Библиографический список:

1. *Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. М., 2009.*
2. *Паренти М. Власть над миром. М., 2006.*
3. *Уткин А.И. Американская футурология международных отношений в XX веке. М., 1990.*
4. *Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.*
5. *Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.*
6. *Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии. Внешнеполитические доктрины США. М., 1986.*
7. *Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М., 1988.*
8. *Уткин А.И., Хвостов В.В. Дипломатия и оружие. М., 1987.*
9. *Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007.*

©Федотов А.А., 2019